

Глава 4. Россия глазами арабов

После трагических событий 11 сентября 2001 г. именно сикхов с их тюрбанами и бородами американский обыватель часто принимал за арабских шейхов и вымещал на них свои страхи.

В отличие от выходцев из Индостана арабские иммигранты, особенно в России, не прибегают к отличительным внешним атрибутам, которые рассматривались выше на стыке сфер культуры жизнеобеспечения (одежда) и соционормативной культуры, согласно терминологии Ю.И. Мкртумяна и С.А. Арутюнова [Мкртумян 1979; Культура жизнеобеспечения и этнос 1983]. В этой главе конструируется и подвергается анализу образ России как инокультурного пространства на основе арабской устно-письменной традиции, функционирующей на стыке соционормативной и гуманитарной культурных подсистем, если пользоваться упомянутой классификацией.

Рассмотрим словесные приемы освоения нового культурного тописа, проследим, как выделяются и толкуются его значащие элементы и как в конечном счете из набора таких элементов создается новая картина мира. Попробуем показать, как в арабской культуре строится образ «Другого» и как он влияет на этнокультурный образ «Своего».

Образ Руси (России) и русско-арабские связи

До петербургского периода русской истории прямое общение с арабами происходило у наших соотечественников преимущественно во время паломничеств (хождений) к Святым местам, в Иерусалим, где они сталкивались с беспоконными «арапами», «сарацинами», «агарянами». Время от времени Москву посещали арабские христиане, например две делегации антиохийских патриархов — Иоакима IV (1586 г.) и Макария (1666 г.), оставившие воспоминания о своих путешествиях.

При Петре в Россию хлынул поток новых идей, представлений и слов, в том числе арабских. Петр заложил не только город на Неве, но и основы научного востоковедения. В начале XIX в. петербургских мусульман насчитывалось меньше тысячи. В 1869 г. мусульман уже 1707 чел., из них — 50 турак (т.е. выходцев из Османской империи, включая арабов). Это лишь постоянные жители: временных перепись не учитывала. Всего арабов в столице было больше, т.к. арабы-христиане, проживавшие в России, обычно зачислялись по своему вероисповеданию в «греков», «католиков», «халдеев». В 1910 г. петербургских мусульман насчитывалось более 7,5 тыс., из них десятки арабов. К тому времени в России сложилась арабская колония: большинство составляли представители торговых фирм из Сирии и Египта, осевшие в русских портах Черного моря, Киеве, Казани, не говоря уже о двух столицах. В учительских институтах Полтавы и Глухова, в провинциальных медицинских училищах по-

лучали образование многие арабы, преимущественно христиане. Возвращаясь на родину, они часто становились распространителями русской культуры¹.

На кладбищах Петербурга похоронены известные педагоги, ученые, чиновники арабского происхождения. На мусульманском участке Ново-Волковского кладбища до сих пор стоит черный гранитный обелиск с надписью по-русски и по-арабски. Это могила египетского шейха и российского титулярного советника Мухаммада Айада Тантави (1811–1861), профессора Петербургского университета, написавшего интересные воспоминания о жизни в России. На Никольском кладбище православной Александро-Невской лавры возвышается гранитный крест: могила араба-христианина из Сирии, учителя арабского языка Ириней Георгиевича Нофаля (1835–1902).

Из других выходцев с Арабского Востока, связавших свою жизнь с Россией, необходимо вспомнить Абдаллаха, или Федора Ивановича, Кельзи (1819-1912), уроженца Алеппо (Халаба) из сирийских армян-католиков, который преподавал арабский язык в Одессе и Петербурге, первого переводчика басен Крылова. Преемником Кельзи в Петербургском университете был дамаский христианин Фадлаллах Сарруф (1826–1903), передавший в Императорскую Публичную библиотеку ценнейшее собрание арабских рукописей. Ливанец Антон Федорович Хащаб (1874–?) стал последним лектором-арабом в Петербургском университете до возобновления прямых связей с арабским миром в конце 1950-х годов.

Записки о России оставили египетский поэт Ризкаллах Хассун (1825–1880), проживший в ней несколько лет, и египетский журналист Мухаммад Талаат, издававший в Петербурге в начале XX в. арабскую газету «Ат-Талмиз» («Ученик»). Особенно тесны были связи с Россией у арабов, имевших отношение к Российскому Императорскому Православному Палестинскому обществу. Палестинский писатель Искандер ал-Хури (1890–1973), женатый на русской, вспоминает, что его отец, преподававший арабский язык и Закон Божий в Женском педагогическом училище Общества в Бейт-Джала, отправил двух старших сыновей учиться в Петербург. Выпускник Назаретской семинарии Бандали ал-Джаузи, известный в России как Пантелеймон Крестович Жузе (1871–1942), ученый-востоковед, работал в Казани и Баку.

Некоторые из учившихся в Петербурге арабов оставили след в культурной жизни Москвы, где до 1917 г. действовало арабское землячество с центром в Антиохийском подворье, основанном в 1848 г. Выпускник факультета восточных языков Петербургского университета дамаскинец Джурджи Муркос (1846–1911) стал профессором Московского Лазаревского института восточных языков. Это второй после Тантави случай,

¹ На эту тему см., например, книгу современного арабского исследователя Омара Махамида [*Махамид 2002*], защитившего диссертацию на восточном факультете СПбГУ.

когда араб возглавлял в России профессорскую кафедру. Деятельность Муркоса в Лазаревском институте продолжил его ученик и земляк Михаил Осипович Аттая (1852–1924). Равно принадлежит Палестине, Петербургу и Москум Кулсум Оде, или Клавдия Викторовна Оде-Васильева (1892–1965), профессор Московского университета.

С 1960-х годов в городе на Неве, как и в Москве, существует арабская община. Однако большинство арабов приезжало в Россию на время, в качестве студентов в высшие и средние учебные заведения Москвы, Ленинграда, Краснодара, Киева, Львова, Баку, Одессы и других городов. В Ленинграде обучались студенты из Египта (сунниты и копты), Сирии (сунниты, православные, друзы), Ливана (друзы, православные, марониты, сунниты, шииты), Северного и Южного Йемена (сунниты и зейдиты), Ирака (сунниты, шииты, христиане разных толков), Иордании (сунниты и православные), Судана (мусульмане, христиане, анимисты), мусульмане Алжира, Марокко, Ливии, мусульмане и христиане Палестины и выходцы из других арабских стран. Некоторые из них, особенно те, кто женился на русских, оставались и остаются в России. Сегодня арабская община Санкт-Петербурга насчитывает несколько тысяч человек, еще больше арабов проживает в Москве: динамика современной миграции не позволяет привести точные данные. Впрочем, мы не пишем историю арабской общины в России, а лишь намечаем основные вехи ее становления, имея в виду заявленную выше задачу, ибо непосредственные сведения, получаемые арабами в новой стране проживания, не могли не влиять на культурный образ этой страны, формируемый арабской культурой.

Один из ключевых образов арабской культуры — это путь, дорога, путешествие. Жители Аравии издавна умели ориентироваться по звездам, читать следы, водить караваны, открывать новые сухопутные и морские пути. Еще до ислама в арабской поэзии, коллективной памяти традиционного общества, сформировался жанр длинного стихотворения — *касыды*, которую можно трактовать как действительное или воображаемое путешествие ради определенной цели. Некоторые касыды представляли собой список стоянок, городов и селений, колодцев, наземных ориентиров, ветров, звезд, мелей и т.д., а морские лоции сочинялись в стихах, чтобы их легче было запомнить и передать новому поколению.

С приходом ислама размах арабских путешествий неизмеримо расширился. Мусульманские мистики-суфии в своих учениях о стезе, ведущей к слиянию с Богом, использовали те же привычные образы пути, стоянок, долин.

Образ России в арабской письменной традиции

Один из томов «Избранных сочинений» академика И.Ю. Крачковского посвящен арабской географической литературе от ее зарождения